

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-68-75

ТРИ СОБАКИ В РАССКАЗЕ И. С. ТУРГЕНЕВА «СОБАКА»: О РОЛИ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В ПОЭТИКЕ ПИСАТЕЛЯ

Круглова Е. Е.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, корп. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Раскрыть аллегорический пласт рассказа И. С. Тургенева «Собака».

Процедура и методы. В работе рассматривается рассказ И. С. Тургенева «Собака» с позиций психоаналитического литературоведения.

Результаты. Анализ показал, что рассказ «Собака» можно понимать как текст, в структуре которого отчётливо проявляют себя элементы бессознательного. Образ одной из трёх собак, которые фигурируют в тексте, выступает метафорой тёмной стороны, не доступной сознанию главного героя. Рассказ И. С. Тургенева не является «безделкой», как считали многие современники. В своей интуиции о природе бессознательного писатель далеко опередил своё время, и его работа представляет опыт в области новой поэтики, принципы которой вырабатываются в позднем творчестве писателя, к которому принято относить всё им написанное после «Отцов и детей».

Теоретическая и/или практическая значимость. Новый подход к анализу рассказа позволяет активизировать читательское восприятие текста и помогает раскрыть глубинные психологические и антропологические смыслы, скрывающиеся за аллегорическими и параболическими конструкциями. Он может быть использован для дальнейших исследований «таинственных повестей» И. С. Тургенева.

Ключевые слова: бессознательное, И. С. Тургенев, мистическое, психоанализ, «Собака», сознание

THREE DOGS IN THE STORY OF I. S. TURGENEV "THE DOG": THE ROLE OF THE UNCONSCIOUS IN THE POETICS OF THE WRITER

E. Kruglova

Moscow City University

Vtoroi Selskokhozyaistvennyi proezd 4, str. 1, Moscow 129226, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of the paper is to examine the allegorical layer in I. S. Turgenev's story "The Dog".

Methodology. The paper studies I. S. Turgenev's story "The Dog" from the standpoint of psychoanalytic literary studies.

Results. The analysis showed that the story "The Dog" can be understood as a text in the structure of which the elements of the unconscious clearly manifest themselves. The image of one of the three dogs that appear in the text is a metaphor for the dark side, which is not accessible to the consciousness of the main character. Turgenev's story is not a "trifle", as many contemporaries believed. In his intuition about the nature of the unconscious, the writer was far ahead of his time, and his story also represents an experience in the field of new poetics, the principles of which were developed in the writer's late work, to which it is customary to refer everything he wrote after "Fathers and Sons".

© CC BY Круглова Е. Е., 2022.

Research implications. A new approach to the analysis of the story makes it possible to activate the reader's perception of the text, when the reader himself has to decipher the deep psychological and anthropological meanings hidden behind allegorical and parabolic constructions. The same approach can be used for further research on the "mysterious stories" of I. S. Turgenev.

Keywords: unconscious, I. S. Turgenev, mystical, psychoanalysis, "Dog", consciousness

Введение

Вслед за Л. В. Пумпянским [8] рассказ И. С. Тургенева «Собака» (1864) в науке о творчестве писателя принято относить к циклу «таинственных повестей», но в целом в отечественном тургенеvedении ему уделялось крайне мало внимания. В последние годы можно наблюдать значительный интерес к этому циклу и творчеству И. С. Тургенева после «Отцов и детей», в том числе в психоаналитическом толковании [1; 2; 3; 4; 5; 11].

Упоминание о его первом появлении (в устном изложении автора ещё до выхода произведения в печати) относится к 1959 г. «В один из этих памятных вечеров он рассказывал фантастическую повесть «Собачки»¹, – вспоминает в «Тобольских губернских ведомостях» дальняя родственница И. С. Тургенева, подписавшаяся инициалами Е. М. Она сообщает, что писатель слышал историю, которую положил в основу своего рассказа, от одного мещанина на постоялом дворе. Конечно, родственница, слышавшая историю из уст И. С. Тургенева, могла и ошибиться, назвав рассказ «Собачки», а не «Собака». Выяснить это уже нельзя, но необходимо отметить, что этот вариант названия со множественным числом представляет особенный интерес как намекающий на несомненную значимость количества собак, являющихся «действующими лицами» в этом произведении.

У рассказа непростая судьба. Сперва И. С. Тургенев был решительно настроен его публиковать, только не мог выбрать, где именно. Но отзывы читателей и слушателей рассказа ещё до его публикации

разделились, и очень многие критиковали автора и признавали его новую вещь неудачной. Среди таких критиков были и те, чьему мнению писатель в большой степени доверял, например, В. П. Боткин, который как минимум дважды негативно отзывался о сочинении И. С. Тургенева: «Мне кажется, тон, взятый тобою в рассказе «Собака», не совсем верен, не наивен, с тенденциями рассмешить, какая-то неопределённая смесь трагикомического, из которой не выходит ни трагического, ни комического»² и «Она («Собака». – прим. Е. К.) плоха, говоря откровенно, и, по мнению моему, печатать её не следует»³. Негативной критики до и после публикации рассказа было много: Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин, В. Я. Брюсов и многие другие находили рассказ слабым, не достойным пера писателя, высказывали своё непонимание, зачем И. С. Тургенев поднял эту тему, и заключали, что это вообще неудачная сатира или бесхитростная и откровенно слабая зарисовка с натуры. Н. Н. Страхов, всегда с вниманием относившийся к творчеству писателя, так выразил своё непонимание идеи рассказа: «Вот фантастическое явление Собаки, достойное воплотить в себе глубокий смысл, быть страшным откровением человеческих тайн. С кем же оно случилось? С пошляком-помещиком, к которому оно так же идёт, как к корове седло. Да мало того – в этом чуде нет никакого смысла ни для него, ни для нас»⁴. В отзыве Н. Н. Страхова интересны недоумение по поводу выбора

¹ Перминов Г. Ф., Мостовская Н. Н. Комментарии: И. С. Тургенев. Собака // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. С. 500.

² Боткин В. П., Тургенев И. С. Неизданная переписка. 1851–1869: по материалам Пушкинского дома и Толстовского музея. М.; Л.: Academia, 1930. С. 202.

³ Там же. С. 219.

⁴ Страхов Н. Н. Последние произведения Тургенева (1871) // Страхов Н. Н. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом (1862–1885). СПб.: Типо-литография С. М. Николаева, 1895. С. 161.

главного героя произведения – «пошляка-помещика», не способного постичь смысл произошедшего с ним, и сообщение, что произведение достойно «воплотить в себе глубокий смысл» и «быть страшным откровением человеческих тайн»¹. Этот аспект и станет предметом нашего исследования, нас будут интересовать смысловой потенциал тургеневского текста и художественные открытия писателя в области художественного антропологизма.

Собака-призрак как метафора бессознательного

Рассказ начинается с реплики некоего чиновника Антона Степаныча. Дело происходит, возможно, на постоялом дворе, несколько человек сидят в комнате и от нечего делать разговаривают о всяких пустяках: «Но если допустить возможность сверхъестественного, возможность его вмешательства в действительную жизнь, то позвольте спросить, какую роль после этого должен играть здравый рассудок? – провозгласил Антон Степаныч и скрестил руки на желудке»².

Писатель сразу же разводит по разные стороны сверхъестественное и здравый рассудок, причём «здравый рассудок» здесь можно понимать и как здоровый, без патологий разум, и как здравый смысл (совокупность взглядов на окружающую действительность, выработанных и используемых человеком в повседневной практической деятельности, которые можно ожидать от почти всех людей без необходимости обсуждения). Ещё здесь содержится указание на то, что сверхъестественное, если допустить возможность его вмешательства в жизнь, бросает вызов здравому рассудку. Или даже так: куда вторгается сверхъестественное (необъяснимое с помощью здравого смысла), там нет места для здравого рассудка.

Так или иначе, мы слышим эту реплику из уст типичного носителя здравого смысла и обладателя здравого рассудка: чиновник, руководящий каким-то отделом министерства (департаментом), статский советник просто обязан быть образцом здравого смысла в строго иерархичном обществе. И если в начале рассказа реплика чиновника звучит ещё риторически, то в конце она же оказывается чем-то вроде резюме. Какую роль после вторжения сверхъестественного должен играть здравый рассудок, неизвестно. Видимо, для него нет никакой роли в этой ситуации.

Сразу после предупреждения о невозможности объяснения здравым рассудком присутствия сверхъестественного в «действительной жизни» выступает «на сцену» главный герой, который, якобы возражая чиновнику, рассказывает случай из своей жизни, когда таинственное внезапно вторглось в неё. Рассказ этот звучит как притча: его странность (небывальщина) позволяет трактовать историю иносказательно и не даёт ключа – ни религиозного, ни нравственного, ни даже житейского нравоучения в конце. Сюжет этой «притчи» незатейлив. Главному герою по ночам (в полной темноте) стала чудиться возня собаки. Ему посоветовали обратиться к знающему человеку, который подсказал герою купить себе щенка. Когда щенок вырос, на героя набросилась бешеная собака, а верный пёс героя прогнал её. Бешеная собака вернулась ночью и снова напала на рассказчика, но его вновь спас его четвероногий друг, теперь уже ценой собственной жизни. Конец. Действительно, никакой морали из этого извлечь невозможно. Но понять смысл сообщения, которое содержится в произведении, необходимо. Мы попытаемся найти этот другой способ разобраться в параболическом сюжете «Собаки».

Г. Ф. Перминов и Н. Н. Мостовская, комментаторы этого рассказа в последнем академическом издании сочинений И. С. Тургенева, отмечают, что центр тяжести в нём «перенесён ... с самого эпизода – “видение” собаки – на личность

¹ Страхов Н. Н. Последние произведения Тургенева (1871) // Страхов Н. Н. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом (1862–1885). СПб.: Типо-литография С. М. Николаева, 1895. С. 161.

² Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. С. 232.

рассказчика, который дан как некий социально-психологический тип, несущий в себе черты народного мировоззрения и мироощущения, народных суеверий»¹. Н. Н. Страхов, подчеркнём ещё раз, назвал рассказчика из «Собаки» «пошляком-помещиком, к которому оно [страшное откровение человеческого тайн] так же идёт, как к корове седло»². Если допустить справедливость этих двух замечаний, сделанных в разные эпохи, можно увидеть явное противоречие или умысел, который необходимо растолковать: в центре внимания, по мысли интерпретаторов тургеневской «Собаки», оказывается социально-психологический тип, далёкий от тайн и глубин. В центре внимания тургеневской «Собаки», по мысли интерпретаторов, оказывается социально-психологический тип, далёкий от тайн и глубин. Мы допускаем справедливость суждений критиков и историков литературы, но не видим никакого противоречия. Мы видим логику, с которой писатель, уже сказав, что здравый рассудок не помощник в объяснении некоторых вещей, убирает и другие ненужные способности для понимания сути явления. Порфирий Капитоныч, рассказчик и главный герой, не обладает никакими способностями, кроме базовых, по умолчанию имеющихся у каждого среднестатистического человека, суеверен. Следует подчеркнуть, что его положение действительно на грани бытия и небытия: «он получил место надзирателя над казёнными магазинами»³, но «самые магазины существовали только в предположении и даже не было с точностью известно, чем их наполнят»⁴. Но и эта его «призрачность» особо не акцентируется, Порфирий Капитоныч скорее зауряден,

подчёркнуто зауряден, он только сосуд для некоего содержания, а рефлексировать, понимать и объяснять это содержание – не в его силах и не его задача. Писатель, таким образом, предлагает читателю самому попытаться понять смысл странной притчи без готового поучения, но, как мы уже заметили, не полагаясь на «здравый рассудок», т. е. не опираясь на шаблоны «здравого смысла».

Итак, Порфирий Капитоныч в один прекрасный (обычный на самом деле) вечер начинает слышать собаку. Стоит ему только погасить свет, как невидимая собака начинает возиться подле него в комнате. Она чешется, выкусывает блох, хлопает ушами, словом, ведёт себя, как обычная домашняя собака, – не агрессивно, не пугающе, даже не странно. Особенность только в том, что, когда Порфирий Капитоныч зажигает свет, собака исчезает, словно её и не было. Да её и нет, т. е. её никто не видит и не видел никогда, и других следов своего существования она не оставляет, только звук возни.

Вернёмся ещё раз к понятию «рассудка», которое в философии наряду с разумом рассматривается как одна из форм мыслящего сознания [7, с. 238]. Сознанию противопоставляется бессознательное, которое в психоаналитической традиции принято относить к другому уровню психических процессов. Бессознательное (Оно, Ид), по З. Фрейду, – это «тёмная, недоступная часть нашей личности» [9, с. 345] или то, что в нас, действует в тени, в зоне, не освещаемой лучами сознания.

Порфирию Капитонычу в темноте не чудовища чудятся, а всего лишь собака, и она не загрызть его пытается, не укусить, а всего лишь чешется и возится. Но понять и объяснить это невозможно. Почему собака? Зачем чешется? Все «почему» и «зачем» объясняют явления «дневного» мира, явленного сознанию. Но она чешется и возится, и это беспокоит. Порфирий Капитоныч привлекает свидетелей.

Нельзя, разумеется, вот так запросто засвидетельствовать активность бессознательного, позвав кого-нибудь прислу-

¹ Перминов Г. Ф., Мостовская Н. Н. Комментарии: И. С. Тургенев. Собака // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. С. 504.

² Страхов Н. Н. Последние произведения Тургенева (1871) // Страхов Н. Н. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом (1862–1885). СПб.: Типо-литография С. М. Николаева, 1895. С. 161.

³ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. С. 232.

⁴ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. С. 233.

шаться вместе с тобой в темноте. Этот приём можно рассматривать как доказательство реальности феномена и как свидетельство психического здоровья (отсутствие явной патологии психики у Порфирия Капитоныча): да, действительно, собака возится, но увидеть её нельзя. Но и свидетели не мешают нам приблизиться к пониманию «ночной собаки» как метафоры бессознательного – они не могут ничего ни объяснить, ни изменить. Но даже пасуют они перед проблемой показательно: слуга Филька струхнул и побелел – он просто бессилен хоть как-то рационализировать, а способен только испытывать страх; сосед Василий Васильич, человек бывалый, тоже сперва испугался, но наутро дал совет Порфирию Капитонычу на несколько дней уехать из дому. Совет, конечно, не помог. Если бы это было что-то вроде призрака, поселившегося в доме, то, может быть, в другом месте собака не беспокоила нашего героя, но от неё, как и от своего бессознательного, убежать нельзя, в чём Порфирий Капитоныч и убедился следующей ночью. Следующий свидетель – «старичок из раскольников»¹ – тоже ничего не мог придумать, кроме как послать Порфирия Капитоныча к Прохорычу, «одному человеку, окромя» которого «помочь некому»². «Старичок из раскольников» как бы представляет «систему» — религиозную, хоть и не вполне каноническую, а проблема Порфирия Капитоновича не входит в её компетенцию. Здесь мы согласимся с Н. К. Михайловским, который утверждал: «Я достоверно знаю, что к области религии рассказанный в “Собаке” анекдот не имеет ровно никакого отношения»³.

«Анекдотом»⁴, «юмором»⁵ и рассказом с «сатирической направленностью»⁶ называли сочинение И. С. Тургенева мно-

гие, не зная, к чему отнести «странную» идею писателя рассказать о таком необъяснимом явлении, а «сниженность» образа таинственного – чешущейся собаки – некоторых критиков приглашала посмеяться. Нам же представляется, что такое «одомашнивание» таинственного несёт совершенно другой смысл: бессознательное и не чудовищное, но и не человеческое в психике. В теории З. Фрейда бессознательное представляет собой совокупность инстинктивных влечений, а, соответственно, метафора собаки – животного, наиболее близкого к человеку (не по происхождению, но по сосуществованию), – очень хорошо подходит.

Прохорыч выслушал «пациента» – вспомним, как он принял Порфирия Капитоныча: «Имя, мол, ваше как? Лета? Кто были родные? В холостом ли звании или женаты?»⁷ – и посоветовал купить щенка. «Это вам не в наказание наслано, а в предостережение»⁸, – сказал он. Здесь стоит упомянуть о ранних идеях З. Фрейда, когда он считал, что главная цель психоанализа – «достигнуть аффективного отреагирования и восстановить травматические воспоминания» у человека [6, с. 15], т. е., если проблему, «спрятанную» в бессознательном, вывести на свет сознания, придёт «целительное катартическое переживание» [6, с. 14] и наступит облегчение.

Действительно, купив щенка, герой рассказа избавился от ночных «посещений» собаки. Но удивительная интуиция И. С. Тургенева позволила ему не согласиться с этим слишком оптимистичным прогнозом будущего классического психоанализа. Как констатировал З. Фрейд позже, если человек узнает, какие события в его жизни (например, в раннем детстве) привели к образованию невроза, он не излечится автоматически. «Катарсис не является более конечной целью терапии» [6, с. 17], для этого необходимо сломить защитные механизмы и достичь эффекта переноса бессознательных побуждений и

¹ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. С. 236.

² Там же. С. 237.

³ Михайловский Н. К. Литературная критика: статьи о русской литературе XIX – начала XX века. Л.: Художественная литература, 1989. С. 473.

⁴ Там же. С. 473.

⁵ Перминов Г. Ф., Мостовская Н. Н. Комментарии: И. С. Тургенев. Собака // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. С. 507.

⁶ Там же.

⁷ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. С. 239.

⁸ Там же.

фантазий на врача – фигуру, замещающую значимое лицо для пациента. «Это борьба ... между интеллектом и жизнью влечений. ... На этом поле должна быть одержана победа, выражением которой является стойкое избавление от невроза» [10, с. 167].

В итоге на Порфирия Капитоныча однажды нападает бешеная собака. Этот факт остался бы случайностью, удивительным, но не чудесным совпадением, если бы спустя несколько часов нападение не повторилось, да ещё в ситуации, исключающей всякую случайность: та же самая бешеная собака нашла нашего героя ночью и «прицельно» атаковала его. Трезор – подросток щенков Порфирия Капитоныча – спасает своего хозяина ценой собственной жизни. «Это вам не в наказание наслано, а в предостережение»¹, – вспомним ещё раз слова Прохорыча. Бессознательное пытается «достучаться» до сознания, в нём содержится масса различной информации, крайне важной для организма и психики человека, – в виде образов, желаний, страхов, неясных, но сильных ощущений.

Было бы совершенно неоправданно утверждать, что И. С. Тургенев в «Собаке» описывал трёхчастную структуру психики в том её изводе, который предложил десятилетия спустя З. Фрейд, и отождествлять невидимую собаку с «Оно», защищающую собаку с «Я» и нападающую собаку со «Сверх-Я». Но совершенно справедливо предположить, что нечто общее у концепции бессознательного, созданной отцом психоанализа, и у художественной интуиции русского писателя всё же было. Здесь стоило бы вернуться к началу нашего разговора и вспомнить, что некая дама, вспоминая, как писатель читал свой рассказ, назвала его «Собачки». Ведь действительно в рассказе три собаки: собака-призрак, реальные собака-защитник и собака-агрессор. Почему бы, например, Трезору не спасти своего хозяина от злодея или хотя бы от падающего дерева. Легко представить: Трезор лает, толкает Порфирия Капитоныча в сторону, а сам

трагически погибает. Нельзя утверждать, что появление трёх собак не случайно, но можно попробовать разобраться, почему количество именно такое. Вероятно, речь метафорически идёт о трёх ипостасях одной сущности: собака-предупреждение (невидимая глазом, но настойчиво присутствующая в темноте), собака-защитник (словно проявившееся осознанное предупреждение) и собака-опасность, то, о чём предупреждало нечто из бессознательного. На самом деле, эту сущность трудно определить одним названием, что вообще-то не должно нас смущать: если бы это было легко и хотя бы возможно, писатели не пытались бы растолковать нам с помощью образов и метафор, а сказали бы просто: вот так-то устроен мир, вот так-то человек, так что и сказать об этом более нечего.

Заключение

Одним из реальных источников тургеневской «Собаки», как отмечалось выше, был рассказ случайного попутчика, с которым писатель встретился на постоялом дворе, т. е. перед читателем разворачивается как бы реальная история, имевшая место в жизни. Однако на самом деле важно, что она оказалась созвучна собственным мыслям писателя. Известно, что И. С. Тургенев был склонен к ипохондрии, что он слишком часто прислушивался к своему состоянию. Есть свидетельства (в том числе и в его собственном творчестве), что его не вполне удовлетворяли готовые ответы на главные вопросы бытия, предлагаемые, помимо прочего, и религией. И можно предположить, что ещё задолго до психоаналитических откровений о бессознательном, которые закрепились потом в науке и психологической практике, писатель предполагал, что есть в человеке нечто ему неведомое, скрытое от света сознания, но тем не менее реальное и могущественное, таящее некие знания, некую информацию, пусть и в «диких», на первый взгляд, и нелепых образах. В этой связи рассказ «Собака» можно прочесть как художественную интуицию писателя

¹ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. С. 239.

об этом «нечто», попытку поговорить об этом с читателями. Отсутствие даже простейшего резюме в конце рассказа прямо указывает на приглашение читателя к размышлению над этим. А образ собаки, имеющей три разных ипостаси, просто невозможно воспринимать исключительно в «реальном» ключе, поскольку он обладает мощным аллегорическим и в сюжетном плане параболическим потенциалом.

Ф. М. Достоевский назвал рассказ И. С. Тургенева «этюдом мистического в

человеке»¹. Это так, если трактовать мистику широко, что вполне естественно было для XIX в., когда психология как наука была ещё очень молода и только подступала к вещам, скрытым от сознания, когда всё необъяснимое с лёгкостью называли мистикой. «Этюд бессознательного в человеке» – так мы определим поэтическое содержание этого необычного рассказа И. С. Тургенева более ста лет спустя.

Статья поступила в редакцию 12.02.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барницкий Д. С. Мотив тоски в цикле «таинственных повестей» И. С. Тургенева // Евангельский текст в русской словесности: сборник тезисов докладов X Всероссийской научной конференции (с международным участием), Петрозаводск, 21–24 сентября 2020 г. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2020. С. 71–73.
2. Беляева И. А. Научная конференция к 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева: «Поздний Тургенев: тексты, события, оценки, проблемы наследия» // *Stephanos*. 2018. № 5 (31). С. 195–199.
3. Беляева И. А. Творчество И. С. Тургенева: фаустовские контексты. СПб.: Нестор-История, 2018. 248 с.
4. Беляева И. А., Круглова Е. Е. «Восточная легенда» И. С. Тургенева: психоаналитические смыслы лирического высказывания // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2019. № 4 (36). С. 8–16.
5. Головкин В. М. И. С. Тургенев: искусство художественного философствования. М.: Флинта, 2018. 344 с.
6. Гринсон Р. Техника и практика психоанализа / пер. с англ. И. Ю. Баклушинской, С. А. Баклушинского. Воронеж: НПО МОДЭК, 1994. 491 с.
7. Звездкина Э. Ф. Теория философии. М.: Эксмо: Слово, 2004. 448 с.
8. Пумпянский Л. В. Классическая традиция: собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. 864 с.
9. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции / пер. с нем. Г. В. Барышниковой. М.: Наука, 1991. 456 с.
10. Фрейд З. Сочинения по технике лечения: в 10 т. Т. 11: Дополнительный / пер. с нем. А. М. Боковой. М.: Фирма СТД, 2008. 440 с.
11. Lieber E. “Mister Russian Beast”: Civilization’s Discontents in Turgenev // *Russian Writers and the Fin de Siècle: The Twilight of Realism* / ed. K. Bowers, A. Kokobobo. Cambridge: Cambridge University Press, 2015, pp. 89–106.

REFERENCES

1. Baritskii D. S. [The Motive of Longing in the Cycle of “Mysterious Stories” by I. S. Turgenev]. In: *Evangel'skii tekst v russkoi slovesnosti: sbornik tezisev dokladov X Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem)*, Petrozavodsk, 21–24 sentyabrya 2020 g. [Gospel Text in Russian Literature: Collection of Abstracts of the X All-Russian Scientific Conference (with International Participation), Petrozavodsk, 21–24 September 2020]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2020, pp. 71–73.
2. Belyaeva I. A. [Scientific Conference Dedicated to the 200th Birthday of I. S. Turgenev: “Late Turgenev: Texts, Events, Assessments, Heritage Problems”]. In: *Stephanos*, 2018, no. 5 (31), pp. 195–199.
3. Belyaeva I. A. *Tvorchestvo I. S. Turgenyeva: faustovskie konteksty* [Creativity of I. S. Turgenev: Faustian Contexts]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2018. 248 p.
4. Belyaeva I. A., Kruglova E. E. [“Eastern legend” by I. S. Turgenev: Psychoanalytic Meanings of a Lyrical Statement]. In: *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya*

¹ Литературное наследство: в 112 т. Т. 83: Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. М.: Наука, 1971. С. 409.

- yazyka. Yazykovoe obrazovanie* [Bulletin of the Moscow City University. Series: Philology. Theory of language. Language education], 2019, no. 4 (36), pp. 8–16.
5. Golovko V. M. I. S. Turgenev: *iskusstvo khudozhestvennogo filosofstvovaniya* [I. S. Turgenev: The Art of Artistic Philosophizing]. Moscow, Flinta Publ., 2018. 344 p.
 6. Greenson R. The Technique and Practice of Psychoanalysis (Rus. ed.: Baklushinskaya I. Yu., Baklushinsky S.A., transl. *Tekhnika i praktika psikhoanaliza*. Voronezh, NPO MODEK Publ., 1994. 491 p.).
 7. Zvezdkina E. F. *Teoriya filosofii* [Theory of Philosophy]. Moscow, Eksmo Publ., Slovo Publ., 2004. 448 p.
 8. Pumpyanskii L. V. *Klassicheskaya traditsiya: sobranie trudov po istorii russkoi literatury* [Classical Tradition: Collection of Works on the History of Russian Literature]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. 864 p.
 9. Freud S. Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse (Rus. ed.: Baryshnikova G. V., transl. *Vvedenie v psikhoanaliz: lektsii*. Moscow, Nauka Publ., 1991. 456 p.).
 10. Freud S. Schriften zur Behandlungstechnik (Rus. ed.: Bokovikov A. M., transl. *Sochineniya po tekhnike lecheniya. T. 11*. Moscow, Firma STD Publ., 2008. 440 p.).
 11. Lieber E. "Mister Russian Beast": Civilization's Discontents in Turgenev. In: Bowers K., Kokobobo A., eds. *Russian Writers and the Fin de Siècle: The Twilight of Realism*. Cambridge, Cambridge University Press, 2015, pp. 89–106.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Круглова Елена Евгеньевна – аспирант кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета;
e-mail: elkruglova@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena E. Kruglova – Postgraduate Student, Department of Russian Literature, Moscow City University;
e-mail: elkruglova@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Круглова Е. Е. Три собаки в рассказе И. С. Тургенева «Собака»: о роли бессознательного в поэтике писателя // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 1. С. 68–75.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-68-75

FOR CITATION

Kruglova E. E. Three Dogs in the Story of I. S. Turgenev "The Dog": The Role of the Unconscious in the Poetics of the Writer. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 1, pp. 68–75.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-68-75